

Джаламова Ж.Б.
**Философская концепция
времени в поэме
М.М. Пришвина «Фацелия»**

Творческая концепция М.М. Пришвина неразрывно связана с индивидуализацией временных форм. Уникальность пришвинского таланта обуславливает также особые связи его творчества с литературной традицией. В статье рассматриваются основополагающие принципы пришвинского движения во времени. Поэма «Фацелия» объединяет три этапа в жизни художника и рядом с автобиографическим, глубоко личным временем просматривается целый ряд временных систем. Они расширяют представления человека о его месте в мире, смысле и цели человеческого существования, и в связи с этим в концепции Пришвина можно выделить время природное, историческое, культурное, литературное и философское. В художественном мире время может быть представлено и в таких ипостасях, как время физическое, реальное и время безвозвратное, преходящее. Это создает неповторимый и самобытный образ пришвинского мира, где отношение ко времени как объективной данности сопрягается с возможностью мировоззренческих и нравственных оценок личного переживания времени.

Ключевые слова: художественное время, композиционная структура времени, хронотоп, своеобразное ощущение времени, пришвинская концепция мира, поток времени, лирический герой во времени.

Dzhalamova Zh.B.
**The philosophical concept of
time in the poem «Phacelia» by
M.M. Prishvin**

M.M. Prishvin's creative conception is inextricably linked with a peculiar sense of tense forms. This unique talent of Prishvin causes also a special connection of his creativity with literary tradition. This article discusses the basic author's principles of moving in time. The poem «Phacelia» unites three stages in the artist's life and one can see his autobiographical, deeply personal time with a number of temporary systems. They extend an individual perception of his place in the world, the meaning and purpose of human existence, and in this regard, Prishvin's ideas can identify natural, historical, cultural, literary and philosophical types of time. In the art world the time can be represented in such aspects as physical time, real time and transient time. This creates a unique and original way of the author's world where relationship to time as an objective fact interfaces with the possibility of philosophical and moral assessments of personal sense of time.

Key words: artistic time, compositional structure of time, time-space, a peculiar sense of time, author's conception of the world, stream of time, lyrical hero in time.

Джаламова Ж.Б.
**М.М. Пришвиннің «Фацелия»
поэмасындағы уақыттың
философиялық концепциясы**

М.М. Пришвиннің шығармашылық концепциясы уақытты өзіндік сезінуімен тығыз байланысты. Пришвиндік таланттың бірегейлігі оның шығармашылығының әдеби дәстүрмен ерекше байланыста екендігін байқатады. Мақалада пришвиндік қозғалыстың уақыт тезіндегі негізін қалаушы қағидалары қарастырылады. «Фацелия» поэмасы қаламгер өмірінің үш кезеңін біріктіреді және автобиографиялық, өзіне тиесілі жеке уақытпен қатар уақыт жүйесінің барлық түрі қарастырылады. Олар адамның осы әлемдегі өзіндік орнын, адам тіршілігінің мәні мен мақсатын тереңірек ұғынуға жетелейді және осыған байланысты Пришвиннің концепциясы бойынша уақытты табиғи, тарихи, мәдени, әдеби және философиялық деп жіктейді. Көркемдік әлемде уақытты физикалық уақыт, шынайы және орны толмас, қайтарылмас уақыт деп талдауға да негіз бар. Бұл пришвиндік әлемнің қайталанбас өзіндік бейнесін қалыптастырып, ондағы уақытқа деген көзқарастың объективті негізі уақытты өзіндік сезінудің дүниетанымдық және адами тұрғыдан баға беруімен ұштасып жатады.

Түйін сөздер: көркем уақыт, уақыттың композициялық құрамы, хронотоп, уақытты өзіндік сезіну, пришвиндік әлем концепциясы, уақыт ағыны, уақыт тезіндегі лирикалық қаһарман

**ФИЛОСОФСКАЯ
КОНЦЕПЦИЯ ВРЕМЕНИ
В ПОЭМЕ
М.М. ПРИШВИНА
«ФАЦЕЛИЯ»**

Любое литературное произведение так или иначе воспроизводит реальный мир – как материальный, так и идеальный и естественными формами существования этого мира являются категории время и пространство. В литературе как искусстве динамичном, но в тоже время изобразительном, зачастую возникают довольно сложные взаимоотношения между реальным и художественным временем. «Художник должен чувствовать вечность и в то же время быть современным. Без чувства вечности невозможны прочные вещи, без чувства современности художник остается непризнанным» [1, 235], – так М.М. Пришвин сформулировал свое творческое кредо. Однако пришивинское ощущение времени было настолько своеобразным, что привело к парадоксальной ситуации, связанной с публикацией поэмы «Фацелия» в 1940 году. Художника, считающего своим долгом «быть современным», упрекали в отсутствии связи с жизнью: «Мир залит кровью и огнем пожаров, а Пришвин... «летает душой с пчелами и листьями ...»», – писал С. Мстиславский в «Новом мире» [2]. Возобновить приостановленную было публикацию, удалось объединенными усилиями друзей писателя, отметивших «страстное стремление автора раскрыть в красоте мир своей родины, укрепив тем самым чувство патриотизма в своем современнике» [3].

Уникальность пришивинского таланта обуславливает особые связи его творчества с литературной традицией. основополагающие принципы пришивинского движения во времени тонко подметил Г. Гачев: «У нас культ исторического движения, бега – с Петра... «Русь! Куда же несешься ты?...», «летит степная кобылица и мнет ковыль...», – а у Пришвина «вместо быстрой езды – медленная ходьба» [4], отвечает стремлению писателя запечатлеть неповторимые мгновения жизни природы и движения души человека, что делает причастным глубинному течению всей русской классической литературы.

Желание «остановить мгновенье» обусловило, вероятно, и выбор жанра – лирические миниатюры, продолжающие во многом традиции «Стихотворений в прозе» И.С. Тургенева. Пришивинские миниатюры не осколки разбитого зеркала жизни, а элементы мозаики, из которых складывается образ человеческого существования и бытия природы, так же как «из отдельных

капель сливается бурный поток, а из мгновений рождается вечность» («Капля и камень») [5, 13]. И как тургеневские «Стихотворения в прозе», миниатюры Пришвина поражают чистотой и прозрачностью языка, легкостью и плавностью течения речи, яркой образностью, органической сочетаемостью знака-слова со стоящим за ним своеобразным взглядом художника на мир; сравни.: *весна воды, лучи счастья, стрелы радости, ручей души, улыбка земли* (впрочем, это с полным правом можно сказать и о миниатюрах, входящих в другие произведения – «Календарь природы», «Лесная капель»).

Живое чувство времени пронизывает «Фацелию» (в подзаголовке обозначенную как *поэма*), объединяет все уровни ее содержательно-формальной структуры от философско-этических размышлений о процессе «создания времени» до формирования лексической системы. Внешне миниатюры связывает в общий цикл автобиографический повествователь, аналог лирического героя. Основной принцип циклизации миниатюр в «Фацелии» рассмотрен Т.М. Рудашевской. Исследовательница считает, что «...в построении поэмы отражены три этапа жизни художника с ведущим устремлением – к полноте человеческого существования», что «три части поэмы – три состояния души... три этапа духовного роста и формирования личности...» [3]. Однако это только первый, внешний пласт общего образа времени, который складывается в «Фацелии». Рядом с автобиографическим, глубоко личным временем просматривается целый ряд временных систем, расширяющих и углубляющих представления о месте человека в мире, смысле и цели человеческого существования: «чужое» личное время, время природное, историческое, культурное, литературное, философское.

«Полнота человеческого существования» в мире Пришвина оказывается невозможной в замкнутом времени собственной жизни, и путь духовного роста личности – это путь приобщения ко всеобщему времени. Так, в «Пустыне» помимо личного времени повествователя появляется личное время персонажа, и смысл миниатюры раскрывается в неожиданных сближениях, перекличках собственного времени каждого. Параллельное сосуществование двух различных временных систем «вдруг» нарушается, разрушается замкнутость человеческого времени на себе – его внутренняя «пустыня», человек мысленно возвращается в памяти к своим жизненным истокам: «...молодость моя, почти юность,

вызвали в нем свое собственное время, когда каждый почти бывает поэтом» [5, 7].

«Чужое» время расширяет личное, разрывает узкие границы человеческой жизни, заключенные между его рождением и смертью («Пустыня», «Аппетит к жизни», «Верхняя мутовка», «Тайная жизнь» и др.). Существование человека как бы перестает сводиться к собственному пребыванию в мире. Личность становится отражением, точкой пересечения различных временных пластов. Поэтому не случайно, что на смещении и совмещении различных потоков времени основана композиционная структура многих миниатюр. Наиболее сложный вариант такой структуры представляют собой «воспоминания в воспоминаниях» («Пустыня», «Тяга», «Аришин вопрос», «Грамофон», «Березы»). В миниатюрах этого типа одновременно сосуществуют три временных среза: время повествования, прошлое лирического героя, где он показан действующим лицом, и воспоминания лирического героя о давно прошедшем, минувшем к началу действия: «...давным-давно это было; в то далекое «чеховское» время; по тому времени очень серьезный практический вопрос; как мне казалось тогда» («Пустыня») [5]; «... с тех пор прошло множество лет» («Грамофон») [5]; «...это началось в далекой молодости» («Брачный день») [5]; «...со мной в юности было...» («Мышь») [5].

Повествователь как бы подчеркивает значительную временную дистанцию между временем рассказа и временем действия. Расслоение личного времени на прошлое и настоящее и наличие временной перспективы в оценке происходящего не только показывает изменение психологии человека в зависимости от возраста, но и испытывает силу прошедшего и ценность настоящего. Воспоминания агронома о «своей Фацелии» делает этого «до крайности практического человека» «почти поэтом», и даже «очень серьезные практические вопросы» о делах травосеяния не могут вернуть его к «действительной жизни» [5,6]. С помощью уточняющих членов предложения, ограничительных частиц (*по тому времени очень серьезный вопрос*), вводных слов и предложений (*как мне казалось тогда*) автор-повествователь сеет сомнения в универсальности волнующих юного специалиста проблем («пропаганда травосеяния», «поддержка кооперации», «севооборот»). Таким образом определяется значимость временных, преходящих («дела травосеяния») и вневременных человеческих ценностей («образ любви») в философской системе Пришвина.

Время повествования в «Фацелии» представлено двумя разновидностями: единым методом бытия с застывшим, неподвижным временем, мигом воспоминаний и оценки (переоценки) прошлого («Пустыня», «Синие перышки», «Тяга» и др.) и развернутым протеканием во времени событий, предшествующих воспоминаниям о прошлом и таким образом мотивирующих отношение к основному предмету воспоминаний – Фацелии «...если бы я в юности своей не подменил любовь свою мечтою, я не потерял бы свою Фацелию, и сейчас через много лет не приснилась бы черная бездна» – «Аришин вопрос» [5, 12]. Образ Фацелии становится предметом воспоминаний. Заявленный в предисловии к поэме как «образ любви» (сам писатель говорил о «Фацелии»: «Это моя песня песней»), он становится символом невозвратимой утраты, истоком и средоточием размышлений о бренности всего сущего и нетленности человеческих воспоминаний, поводом для рассуждений о возможности остановить прекрасное мгновенье.

В художественном мире Пришвина время предстает в двух ипостасях: время физическое, реальное, безвозвратное, преходящее, «Я еще ждал до сих пор, а тут как будто навсегда кончилось, и она никогда не придет» и время непреходящее, живущее в человеческой памяти «быльем не поросло». – «Пустыня» [5,6]. Для разграничения времени реального и мыслимого используются различные значения глаголов совершенного вида. Совершенный вид в реальном времени не служит для подчеркивания необратимости временного потока: *исчезла, навсегда кончилось, никогда не придет, больше не прилетит*. Во времени воспоминаний, напротив, совершенный вид необходим для выражения непреходящего значения ценного для человека прошлого: *как будто ночевали синие птицы и оставили свои синие перья; весна останется тебе навсегда*.

Пришвинская концепция человека как средоточия в единой точке всей полноты временного потока (своего – чужого, прошлого – настоящего) приоткрывается с первой строки произведения. Стремление к личностному освоению заставляет художника обращаться к опыту человеческого существования, запечатленному в пословицах и поговорках, традиционных образах былин и народных сказок. Не случайно Пришвин утверждал: «Если ты выбросишь из меня фольклор, ты выбросишь половину меня самого» [1, 48]. Но народная мудрость не воспринимается писателем как непререкаемая догма:

она служит предметом напряженного осмысления и сопоставления с личным опытом. В отталкивании от традиционного *было, да быльем поросло* – смысл пришвинского «Давным-давно это было, но быльем поросло, и я не дам порастать, пока сам буду жив» [5, 6]. Художник подчеркивает активность человека в сохранении прошлого, прошедшее перестает ощущаться как безвозвратно минувшее и становится неотъемлемой частью настоящего.

По-новому подходит Пришвин к изображению традиционной фольклорной ситуации – путник на перепутье – и в эпиграфе к «Росстани»: «...К счастью, иду я не в ту сторону, где дороги расходятся, а оттуда назад,- для меня погибельные дороги у столба не расходятся, а сходятся...» [5, 13]. Здесь за видимым пространственным образом возникает и образ времени. В будущем для пришвинского путника – не неведомые испытания, а радость возвращения. И хотя в некоторых миниатюрах второй части есть горе и утраты, это преодоленные страдания прошлого, о которых путник вспоминает уже из счастливого настоящего («Граммфон», «Аппетит к жизни», «Осенние листики»). И не случайно третья часть поэмы так и называется – «Радость».

Пословица *капля долбит камень*, которая положена в основу первой миниатюры «Росстани», отражает близкое Пришвину восприятие мира. И здесь размышления о силе и слабости, бессилии и могуществе воплощаются в образах, связанных с течением времени: *жизнь капли -- доля секунды, одно мгновенье, дальше – смерть; камню же- еще тысячу лет здесь лежать*. Но из мгновений складывается вечность, как из капель сливается бурный поток. И вечность вбирает в себя жизнь и капли, и камня. В сближении, отталкивании, переосмыслении воплощенных в устном народном творчестве представлений о времени и складывается у Пришвина собственная временная концепция.

Прошлое и настоящее, временное и вечное, сливаясь в едином повествовательном потоке, создают неповторимый образ пришвинского мира, где отношение ко времени как к объективной данности сопрягается с возможностью мировоззренческих и нравственных оценок личного переживания времени. Поэтому собственное личное время часто расслаивается на положительное («сгущенное», сохраненное, переломное) и отрицательное (упущенное, свернутое, замкнутое).

Личное ощущение времени ярко представлено в сопоставлении объективно неравноценных

отрезков: «Вся жизнь- одна ли, две ли ночи» [5, 8] (слова Пушкина, приведенные в «Пустыне»). Сгущение, концентрация душевных и духовных сил в нескольких мгновениях делает эти мгновения своеобразной призмой, которая по- иному освещает жизнь, становясь камертоном, по которому проверяется полнота человеческого существования. Такова психология восприятия времени лирическим героем в миниатюрах «Пустыня», «Брачный день» – «...в этот миг все пережитые мною весны стали мне, как одна весна, одно чувство» [5, 16]. «Сгущение» времени характерно для граничных условий существования, и поэтому понятен интерес художника к первому и последнему мгновениям бытия, что отражается и в названиях миниатюр: «Последняя весна», «Близкая разлука», «Молодые листики», «Первый цветок», «Старый скворец». Жизнь в эти мгновения ощущается наиболее полно, и остро чувствуется ее быстротечность: «Осенью, конечно, все шепчет кругом о близкой разлуке, в радостный солнечный день к этому шепоту присоединяется задорное: хоть один, да мой! И я думаю, что, может быть, и вся наша жизнь проходит, как день, и вся мудрость жизненная сводится к тому же самому: одна только жизнь, единственная, как осенью единственный солнечный день, один день, а мой!» («Близкая разлука») [5, 26].

Наряду со «сгущенным» временем как положительное переживается время «сохраненное». Проблема сохранения времени раскрывается в «Фацелии» и в личном, и в историко-литературном, и в философском аспектах. Необходимость памяти для Пришвина – это залог полноты жизни, ощущение преемственности поколений, неразрывности связей прошлого, настоящего, будущего. Художник стремится запечатлеть окружающий мир в его бесконечных изменениях, сохранить все лучшее в себе: «Не о том я говорю, чтобы мы, взрослые, сложные люди, возвращались бы к детству, а к тому, чтобы в себе самих хранили бы каждый своего младенца...» («Верхняя мутовка») [5, 33].

«Сохраненное» время, как возможность возвратиться в прошлое, противостоит времени ожидания – стремлению приблизить будущее. И если в прошлом были «горе-утрата», «безысходная тоска», то будущее воспринимается только как радость, когда будут завершены искания «неведомого друга» и будет найден «проток в мир всеобщего родства» («Вода») [5, 30]. «Ожидание весны», «аппетит к жизни» придают человеку такую силу, что «все преграды... рассы-

паются ничтожной пылью» («Вечер освящения почек») [5, 34]. Однако в пришвинском мире нет непреодолимых границ между прошлым и будущим, между горем и радостью, жизнью и смертью. Одно невозможно без другого, и противопоставление, борьба становятся залогом вечного изменения, раскрывают суть бытия как бесконечного движения времени: Да, не будь этих препятствий на каждом шагу, вода бы сразу ушла, и вовсе не было бы жизни-времени... («Лесной ручей») [5, 36]; Хорошо с высоты достигший такого дня оглянуться назад и ненастные дни ввести, как необходимые, для создания этих чудесных живых ночей. («Живые ночи») [5, 39].

Помимо «сгущенного» и «сохраненного» времени к положительному можно отнести время «переломное». Это своеобразный момент прозрения, когда человеку «вдруг» открываются новые горизонты, когда внезапно происходит как бы пересечение, слияние с другими людьми: «В одно мгновение это я успел через глаза заглянуть внутрь ее души...» («Дочь Фацелии») [5, 25]; «...я вдруг вспомнил, как я сам свою бедуютрату погасил некогда подобным ожиданием весны, сколько из этого полилось потом у меня слов утешения». («Аппетит к жизни») [5, 14]; «На чужбине родина моя показалась во всей своей пленительной силе, и вот, когда встала ярко первая встреча с природой, и родной человек в родной стороне показался прекрасным.» («Брачный день») [5, 16].

На другом полюсе личного ощущения времени – время «упущенное», «чужое», не ставшее своим. Это как бы нарушение гармонии в человеческих отношениях, в самой природе: между различными временными потоками нет точек соприкосновения, хотя должно быть пересечение и слияние. Особенно ярко это ощущение проявляется в первой части поэмы, где лирический герой только нащупывает дорогу к людям. В миниатюре «Синие перышки» образы неподвижных бабочек в холодной росе, которые погибают без солнца, умирающего льда на лугу, засохшей черемухи созвучны настроению лирического героя, который замкнулся в своем горе после потери Фацелии. Именно с неприятии «бесплодной мечты юности», оторванности от людей, свернутого, эгоистически замкнутого на себе времени – смысл символических образов первой части поэмы – пустыни и бездны. Но «резкая боль», усиленная одиночеством, постепенно проходит, и в двух других частях поэмы щемящая тоска по утраченному постепенно сменяется надеждой на будущее, ожиданием радости:

Я же об этом именно и говорю, что наконец-то испытываю великое счастье не считать себя человеком особенным, одиноким и быть, как все хорошие люди. («Любовь») [5, 42].

Пусть человека от молодости к зрелости, его духовное взросление, осознание своей общности с людьми неразрывно связаны у лирического героя с чувством близости к природе, сопричастности природному времени. Окружающий мир не только откликается на движения души лирического героя, сопереживает ему («Река под тучами», «Синие перышки» и др.), но и ведет за собой в осмыслении всеобщего единства, связи каждого со всеми. Тематика и проблематика «Фацелии» – обретение духовной зрелости через преодоление «бесплодной мечты юности», через приобщение

к миру людей и природы, где образ времени – ядро взглядов писателя на духовное развитие человека. Зримые образы являются в «Фацелии» даже не иллюстрацией мыслей о бытии, а, скорее, формой, способом их существования. Размышления о неповторимости мгновений, о быстротечности жизни, о желании слиться с природой в ритме ее существования, ощущение собственной личности в общем потоке становлений и перемен находят образные эквиваленты в живой природе.

Образ времени складывается на пересечении вечного и преходящего, исторического и природного. Личностное ощущение времени раскрывается в художественном мире «Фацелии» в системе оппозиций, разграничивающих различные типы ощущения времени.

Литература

- 1 Пришвин М.М. Незабудки. – М.: Художественная литература, 1969.
- 2 Мстиславский С. О поэме Пришвина «Фацелия» // Новый мир. – 1940. – № 11.
- 3 Рудашевская Т.М. Поэма «Фацелия» как выражение нравственно-этической позиции М.М. Пришвина // Анализ отдельного художественного произведения. – Л., 1976.
- 4 Гачев Г. Два медведя // Вестник высшей школы. – 1991. – № 7.
- 5 Пришвин М.М. Собрание сочинений в восьми томах. – Т. 5. – М.: Художественная литература, 1983.

References

- 1 Prishvin M.M. Nezabudki. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1969.
- 2 Mstislavskiy S. O poeme Prishvina «Fatseliya» // Novyj mir. – 1940. – № 11.
- 3 Rudashevskaya T.M. Poema «Fatseliya» kak vyrazhenie нравственно-этической позиции M.M. Prishvina // Analiz ot del'nogo hudozhestvennogo proizvedeniya. – L., 1976.
- 4 Gachev G. Dva medvedya // Vestnik vysshey shkoly. – 1991. – № 7.
- 5 Prishvin M.M. Sbranie sochineniy v vos'mi tomah. – T. 5. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1983.